

Влияние татарской культуры на казахов в процессе перехода к оседлому образу жизни

Д.Ш. Муфтахутдинова^{1а}

¹Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0522-4260>, e-mail: dilaratatar@mail.ru

Резюме: Научная актуальность статьи обусловлена возможностями рассмотрения процессов интеграции казахского общества в общероссийское пространство через взаимодействие с различными социальными стратами татар-мусульман Волго-Уральского региона и Сибири в XIX вв. Изучение роли татар в реализации культуртрегерской миссии на окраинах России не потеряло актуальность и на сегодняшний день. Оно востребовано не только с точки зрения обеспечения геополитических интересов России в Центрально-Азиатском регионе, но и в плане сохранения исторически сложившихся культурных, экономических и духовных связей. Статья посвящена изучению влияния татарской земледельческой и бытовой культуры на казахов, переходящих к оседлому образу жизни.

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы стал сравнительно-сопоставительный метод исследования, позволивший представить и изучить элементы казахской и татарской бытовой культуры в сопоставительном плане, а также диахронный метод, позволивший исследовать этапы перехода к оседлому образу жизни казахов Младшего и Среднего жузов и описать особенности данных периодов. В результате исследования было выявлено, что в процессе перехода к земледелию казахи меняли свой быт не на русский, а на татарский. Быт казахов был тесно связан с мусульманской культурой, на что существенное влияние оказали татары-мусульмане, несмотря на усилия православных миссионеров перевести казахов в православие, казахи перенимали мусульманскую бытовую культуру.

Материалы статьи могут быть полезными для составления музейных экспозиций этнографического характера, а также могут быть полезными для преподавания спецкурсов на исторических специальностях высших учебных заведений.

Ключевые слова: бытовая культура; татары; казахи; мусульмане; крестьяне; православные миссионеры

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Д.Ш. Муфтахутдинова

Влияние татарской культуры на казахов в процессе перехода к оседлому образу жизни
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(3): 574–599

Для цитирования: Муфтахутдинова Д.Ш. Влияние татарской культуры на казахов в процессе перехода к оседлому образу жизни. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(3):574–599. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-3-574-599

The influence of Tatar culture on Kazakhs in the process of transition to a sedentary lifestyle

D.Sh. Muftakhutdinova^{1a}

¹*Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0522-4260>, e-mail: dilaratatar@mail.ru

Abstract: The scientific relevance of the article is due to the possibilities of considering the processes of integration of Kazakh society into the all-Russian space through the interaction with various social strata of the Muslim Tatars of the Volga-Ural region and Siberia. The study of the role of the Tatars in the implementation of the cultural mission on the outskirts of Russia has not lost its relevance today. It is in demand not only from the point of view of ensuring Russia's geopolitical interests in the Central Asian region, but also in terms of preserving historically established cultural, economic and spiritual ties. The article is devoted to the study of the influence of the Tatar agricultural, morals and manners culture on the Kazakhs moving to a settled lifestyle. The leading approach to the study of this problem was the comparative-contrastive method of research, which made it possible to comprehensively disclose the elements of the Kazakh and Tatar morals and manners cultures in a comparative sense, as well as the retrospective method, that traces the past events, contributing to the most complete image of the issue. As a result of the study, it was revealed that in the process of transition to agriculture, the Kazakhs had chosen the Tatar but not the Russian approach. The Kazakhs' lifestyle became closely connected with Muslim culture, which was significantly influenced by Muslim Tatars, despite the efforts of Orthodox missionaries to convert the Kazakhs to Orthodoxy. The materials of the article can be useful in compiling museum expositions of an ethnographic nature, as well as for teaching special courses in higher educational institutions with historic specialties.

Keywords: everyday culture; Tatars; Kazakhs; Muslims; peasants; Orthodox missionaries

For citation: Muftakhutdinova D.Sh. The influence of Tatar culture on Kazakhs in the process of transition to a sedentary lifestyle. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(3):574–599. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-3-574-599

Введение

Крестьянское малоземелье в центральных районах страны подстегивало власть к переселенческой политике славянского населения на восточные окраины Российской империи. Для осуществления данных планов было необходимо сократить вотчинные владения казахов-скотоводов и постараться перевести их к оседлому образу жизни. Переход казахов к земледелию был задуман российскими властями через христианизацию, где понятия «крестьянин» и «христианин» принимали одинаковое значение и способствовали дальнейшей интеграции казахов в общероссийское пространство. Для осуществления этих планов в последней четверти XIX в. В степи было организовано 15 миссионерских станов и открыто 17 миссионерских школ для детей-казахов. В качестве учителей в них работали в основном выпускники Казанской учительской семинарии под заведыванием Н.И. Ильминского, «знающие киргизский язык в совершенстве и приобретшие опытность в школах братства св. Гурия в Казани» [1, с. 263]. В письме начальнику алтайской и киргизской миссии Томской епархии от 14 мая 1885 г. Н.И. Ильминский рекомендует «...в учителя для киргизской миссионерской школы симпатичнейшего из воспитанников Казанской Учительской Семинарии учеников, Василия Тимофеевича, крещеного татарина»¹. В Каракалинский стан назначили двух выпускников миссионерских курсов при Казанской духовной академии: миссионером – Сергея Целерицкого, а псаломщиком и переводчиком – Александра Миропольского [2, с. 139]. В Западном Казахстане работал миссионер из числа кряшен – Николай Сейфуллин. В течение девяти лет Буконьский стан в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области возглавлял крещеный татарин Ефрем Елисеев².

Миссионерам вменялось оторвать крещеных казахов от мусульманской культуры, а именно: не есть баранины, зарезанной по мусульманским обрядам, не делать детям обрезания, не брить голову, не носить тюбетейку, не называть детей мусульманскими именами, не ходить в мечеть. В доме сделать христианскую обстановку: убрать с нар все пуховые подушки и перины, а в переднем

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 11. Л. 138.

² *Из истории Православной миссии в Казахстане*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cathedral.kz/ru/articles/iz-istorii-pravoslavnoy-missii-v-kazahstane?ysclid=mfvb32v0d1808418711> (дата обращения: 10.01.2025).

углу повесить иконы [3, с. 138]. В обязанность миссионеров входило оказание помощи казахам в освоении оседлого образа жизни.

Помимо просветительской функции на миссионеров налагалась огромная хозяйственная деятельность по обустройству быта неофитов. Центральные епархиальные органы составили подробную инструкцию для деятельности лиц, служащих в Киргизской миссии. Миссионер был обязан:

а) ежегодно составлять смету прихода и расхода сумм, поступающих от аренды русскими поселенцами земель новокрещенных казахов; через областного миссионера представлять ее на утверждение епархиального Комитета;

б) осуществлять постройку жилищ и занимался благоустройством хозяйства вновь поселяющихся в поселке новокрещенных;

в) избирать старосту для наблюдения за работами новокрещенных;

г) самостоятельно производить расходование денежных сумм;

д) вести приходно-расходные книги;

е) в конце года представлять документальный отчет областному миссионеру-благочинному [4].

Хотя миссионеры из числа кряшен³ и знали казахский язык, были православными, но этнически они оставались татарами и транслировали татарскую традиционную бытовую и хозяйственную культуру. Это заметно в еде, в обустройстве быта, хозяйственных инструментах и землепользовании. Кроме того, пока в степи не было миссионеров, простые казахи были слабыми мусульманами, но как только пришли проповедники и стали хулить ислам, казахи, испугавшись христианизации, сознательно стали отдавать детей в мактабы и медресе. Стали строже придерживаться мусульманских традиций. В итоге парадоксальное, но справедливое замечание миссионерки С. Чичериной автор статьи считает вполне оправданным: «Мусульманские миссионеры в 50 лет не могли так отатарить киргиз⁴, как это сделали русские миссионеры за 15–20 лет» [5, с. 175].

Количество крещенных казахов до организации православных миссионерских станом было небольшим. В Младшем жузе в 1838 были крещены 21 человек, в 1839 – 259, в 1840 – 2 710, в 1841 – 28, в 1842 – 23, в 1843 – 1411, в 1849 – 16, в 1850 – 24, в 1851 – 19, в 1852 – 12, в 1853 – 3012, в 1854 – 1413, в 1855 – 11, в 1856 – 17, в 1857 – 16, в 1858 – 19, в 1859 – 12 [6, с. 249]. Эти данные

³ Кряшены – крещенные татары.

⁴ До революции казахов называли киргизами.

показали правительству и миссионерам, что ислам укоренился в казахской степи гораздо глубже, чем ожидало российское правительство.

Разорение казахов Малого жуза вследствие крестьянской и казачьей колонизации приводило некоторых из них к решению бросить кочевой образ жизни и подселиться или в башкирские кантоны, или в казачьи станицы. Крепление приносило обедневшим казахам, ставшим казаками, некоторые льготы. Новообращенные неопиты получали денежное пособие на «хозяйственные нужды», отсрочку от службы и десятилетнее освобождение от податей и повинности. Сибирскому казачьему войску дозволялось принимать в свой состав казахов с 1846 года. Число желающих перейти в православие в 1853 году достигло 3 012 человек, в 1854 году вновь наблюдался сильный скачок – 1 413 человек, что вызвало недовольство родовых старшин, султанов, и родственников отступников. В своем этнографическом очерке А.И. Левшин замечает: «Ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение» [7, с. 314]. Перешедшие в православие казахи не могли оставаться не только кочевниками, но и этнически казахами. Родственники у них отбирали скот, лишали поддержки рода и подвергали остракизму, поэтому православные казахи, переселившись в русскую станицу, старались полностью ассимилироваться в русскую культуру. Российские этнографы и православные миссионеры замечали, что к середине XIX века исламская идентичность у казахов усилилась. Дореволюционный этнограф Л. Мейер точно подметил, что для прилинейных казахов «религиозность есть не что иное, как прикрытое чувство народности... Вот почему прилинейные киргизы гораздо более знакомы со своею религиею, нежели степные...» [8, с. 229]. Усиление исламской идентичности русские культуртрегеры, как религиозные, так и светские, прочно связывали с культурным влиянием на казахов татар.

Материалы и методы

Статья носит междисциплинарный характер, в ней применены теоретико- методологические подходы как истории, этнологии так и этносоциологии. В частности, в работе применена теория очерчивания границ в этнокультурном значении (теория Ф. Барта). Для норвежского ученого Ф. Барта этничность – это форма социальной организации культурных отличий [9]. Применение данной концепции позволяет увидеть символы и аксиологические ценности конструирующих культур, а также описать их взаимодействие или конфронтацию.

Из исторических методов, примененных в работе, стоит упомянуть диахронный метод, позволивший четко обозначить этапы седентаризации Казахской степи и описать изменения в культуре, произошедшие вследствие изменений в образе жизни. Историко-сравнительный метод помог найти аналогии, сходства и различия в близкородственных культурах татар и казахов в изучаемый период.

Обсуждение

В историографической традиции дореволюционного времени о культурном влиянии татар на казахов есть как положительные, так и отрицательные отзывы. Известный миссионер Н.И. Ильминский подчеркивал, что если казах «осознал и почувствовал неудобства кочевого быта и решается усвоить удобство оседлой жизни, то он всегда усваивает быт не русский, а татарский, реже среднеазиатский» [10, с. 166]. Специфику татарского культурного влияния на казахов хорошо осветил дореволюционный этнограф Н.Н. Харузин (1865–1900). В своем очерке, посвященном изучению Букеевской орды, он пишет: «... действительно, татары, познакомившись с цивилизацией уже давно, во всех отношениях гораздо выше стоят киргизов⁵. Киргиз для татарина, как я уже сказал, деревенщина. Притом татарин человек торговый – уже давно раскинул он в степных центрах: в Ставке, Казанке и Баскунчаке свои лавочки; уже давно мало-помалу затягивает он киргиза в свои лапы. Татарин для киргиза авторитет; цивилизующийся киргиз сбрасывает свой киргизский (бухарский) халат и надевает татарский; цивилизованный киргиз, надев чистый халат, идет вместе с татаринком на вечернюю молитву в мечеть. И высшая мечта киргиза не обрусеть, а отатариться» [11, с. 15].

Хочется заметить, что татары жили на территории Степного края в основном в городах и относились к сословию купцов, мелких торговцев, мещан или казаков. Они были самым урбанизированным этносом. По данным Всероссийской переписи 1897 г., доля горожан среди татар составляла в Семипалатинской области 51%, в Сырдарьинской области – 84% (для сравнения: в Акмолинской области – 81,6%, в Семипалатинской – 80,3%, в Тургайской – 64,5%, и в Уральской – 32% [12, с. 222]. Нужно понимать, что в это время в городских усадьбах у многих татар были огороды и огородничеству казахи учились не только у русских, но и татар, так как между ними почти не было языкового

⁵ Киргизами до революции 1917 г. называли казахов.

барьера. Харузин делает очень любопытное наблюдение о бедняках «киргизских орд Оренбургского ведомства», которые целое лето питаются почти исключительно арбузами, дынями, луком и другими овощами, кроме того, сушат дыни на зиму. Этнограф подчеркивает, что очень часто бахча (огород) составляет большую половину запаса продовольствия всего семейства [11, с. 252]. Н.Н. Харузин замечает, что употребление хлеба у казахов, особенно за Уралом, значительно увеличилось, и связывает данный факт с обеднением казахов и переходу к оседло-земледельческому образу жизни [11, с. 251]. Миссионер И. С. Хохлов, учительствовавший среди казахов Тургайской области, отмечает, что в городах Степного края разводят в огородах картофель, лук, морковь, свёклу, горох, капусту, огурцы, репу, редьку, мак [13, с. 49]. Овощеводством занимались в основном казаки-нагайбаки⁶, так как им приходилось держать православные посты. Они также заселяли Казахскую степь и взаимодействовали с казахским населением, передавая им навыки земледелия. Об этом пишет Н.А. Халиков: «...в огородах у нагайбаков можно было увидеть огурцы (кыяр), лук (суган), свеклу (чөгендер), морковь (кишер), капусту (кәбестә) [14, с. 267]. Татары-мусульмане чаще сажали в своих бахчах тыкву (кабак), репу (шалкан), арбузы (карбыз) и дыни (кавун). Хочется заметить, что татары способствовали распространению в Казахской степи такой культуры, как картофель (бәрәнге) [15, с. 45].

Интересно замечание Н.Н. Харузина о чаепитии в Степи: «...что самовар есть провозвестник русского влияния – это не совсем справедливо по отношению к Букеевской степи. Я уже раньше упоминал, что русское влияние на букеевских киргизов ничтожное, что оно отходит на второй план перед влиянием татарским, а между тем питьё чая среди букеевских киргизов чрезвычайно распространено и самовар составляет необходимую принадлежность каждой кибитки» [11, с. 253].

И.С. Хохлов отмечает, что кочевники начинают всячески стараться быть похожими на татар. «Все они досиня выбриты и франтят в грязных тюбетейках... Старики больше уже не просрочивают, не забывают времени молитвы, аккуратно совершают омовение и намазы» [13, с. 43].

Татары постоянно напоминали казахам об угрозе христианизации со стороны русских, и маркером мусульманской идентичности становилось строгое

⁶ Нагайбаки – крещенные татары, переведенные в сословие казаков.

следование обрядам и ритуалам ислама. Как правильно подметил А. Франк, тактикой татар-мусульман стала «ортопраксия», которая придавала значение строгому следованию обрядам и ритуалам ислама наряду с искренней верой [16, с. 256]. Усиление именно этой стороны в поведении казахов и воспринималось русскими как «отатаривание». По теории, предложенной норвежским ученым Бартом, мы видим, что близкородственные тюрко-мусульманские народы под угрозой вторжения русской православной культуры, строго соблюдая мусульманские обряды и традиции, очерчивали границы и охраняли их от чужого влияния. Действительно, конфессиональная и этническая идентичность татар и казахов здесь выступает формой социальной организации и защитой культурных отличий.

Нерусские народы нередко замечали в татарах-мусульманах высокие нравственные качества. Ссылный украинский народник, врач Ц.А. Белиловский, в 1868 г., описывая быт татар Петропавловска, отмечал: «Семейные нравы у татар очень строги и чисты. Семьи в массе патриархальны, благопристойны. Здешний татарин вежлив, почтителен, гостеприимен, благонравен и редко поступает вразрез со своим достоинством, особенно если он касимовец <...> а татарские купцы отличаются здесь своей совестью. Почти каждый татарин грамотен, пишет по-арабски, по-татарски, по-русски» [17, с. 34]. В другой работе, «Женщины инородцев Сибири», Белиловский очень лестно отзывался о татарских женщинах: «В течение шестилетнего пребывания в г. Петропавловске, где проживают более 8000 татарского населения, я ни разу не слышал, чтобы хоть одна татарка изменила своему мужу, ни разу не приходилось наблюдать венерических или сифилистических заболеваний у них или у их мужей, ни разу не слышал, чтобы хоть одна татарка при выходе замуж оказалась грешной. О таком нам, европейцам, приходится только мечтать...» [18, с. 8].

Благочестивый образ жизни татар был примером для подражания для других нерусских народов, и в первую очередь для мусульманских. Фактически татары не были замечены в открытых противоправных действиях или открытой политической агитации в Степи. Некоторых представителей власти и православного миссионерства раздражал сам праведный образ жизни татар: их материальная состоятельность, особенно в городах, абсолютная грамотность, как мужчин, так и женщин, набожность, трезвость, супружеская верность. Не случайно казахский поэт Абай Кунанбаев (1845–1904) писал: «Смо-

трю на ногаев⁷, они могут быть хорошими солдатами, стойко переносят нужду, смиренно встречают смерть, берегут школы, чтут религию, умеют трудиться и наживать богатства, наряжаться и веселиться... Сила их в том, что неустанно учатся они ремеслу, трудятся, а не проводят время в унижительных раздорах между собой» [19, с. 117].

Культуртрегерские способности татар замечали и русские миссионеры, в частности, Н.И. Ильминский об этом писал так: «У татар... есть какая-то моральная сила, какая-то национальная стойкость, которой, по правде говоря, у русских нет, а у татар имеется она в значительной степени, которая дает оттенок и тон смешанному населению» [20, с. 242].

Отрицательными стереотипами об исламе и о его «разрушительном влиянии» на казахов, транслируемыми татарским духовенством и другими социальными стратами татар в Степи, были проникнуты труды как миссионеров, к ним можно отнести работы А. Машанова [21], В. Виноградова [22], Н. Саркина [23], Н.П. Остроумова [24], так и чиновников государственного аппарата, к примеру: С.Б. Броневского [25], И. Гейера [26], С.Г. Рыбакова [27]. Резко против «татарского ислама» выступал русифицированный казахский интеллигент Ч. Валиханов [28]. Все они стали наделять татар стереотипами алчных, хитрых, сепаратистов, не желающих русифицироваться и мешающих ассимилировать «способных к прогрессу» казахов.

В историографии советского периода работ, оценивающих влияние татарской культуры на казахов, крайне мало. Одной из ярких работ, ломающих традиционные европоцентристские установки на ислам и мусульманский мир, а также суфизм, является работа В.В. Бартольда «Культура мусульманства. Мусульманский мир» (1922) [29]. Эту работу отличает взвешенность оценок и отсутствие православно-христианских стереотипов.

В 70-е годы XX в. В Казахстане татар в традициях дореволюционной историографии продолжали обвинять в стремлении отатарить казахский язык. «Отатарванию казахского языка особые усилия прилагало татарское мусульманское духовенство, стремившееся развить среди казахов мусульманский религиозный фанатизм», – писали А.И. Сембаев и Г.М. Храпченков [30]. Работ, касающихся бытовой аккультурации казахов татарами, фактически нет.

В постсоветский период наиболее значимые работы по влиянию татарской культуры на казахов принадлежит профессору Казахстанского нацио-

⁷ Ногаями казахи называли татар.

нального университета им. Аль-Фараби Гульмире Салимжановне Султангалиевой [31; 32; 33; 34; 35]. В монографии «Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.)» и в статье «Влияние татар на развитие земледелия у казахского населения и политика российской власти Казахской степи» Г.С. Султангалиева замечает, что в первую четверть XIX века правительство поощряет казахов переходить к оседлому образу жизни, однако с 30-х годов XIX века военный губернатор Оренбургского края П.П. Сухтелен предлагает политику «торможения оседания казахов», данную политику в дальнейшем поддерживал и губернатор В.А. Перовский. По мнению автора, власть считала, что Казахские земли должны были оставаться рынком сбыта хлеба и промышленных изделий, а Степь должна была оставаться поставщиком скота и продуктов скотоводства [31, с. 72]. В другой работе, ссылаясь на Н.Г. Апполову, автор считает, что основные мероприятия правительства во второй четверти XIX века были направлены на подготовку к завоеванию Средней Азии, поэтому важно было освоить тот регион Казахской степи, который примыкал к пограничной линии [33, с. 358]. С этим, безусловно, нужно согласиться, но автор статьи хотел бы заметить, что и в Омской, и Оренбургской администрациях понимали, что казахи, решившие перейти к оседлому образу жизни, могут занять лучшие земли раньше русских переселенцев, поэтому притормаживали седентаризацию. Кроме того, как же отмечалось автором в статье «Аграрная политика Российской империи в Казахской степи сквозь призму православного миссионерства», «Угроза “отатаривания” и усиления исламской идентичности у казахов привела к решению, принятому администрацией Омской области в 1826 году, запретить татарам поселяться на территории внешних округов» [36, с. 568]. Оренбургская и Самарская администрация подобный документ выпустила при генерал-губернаторе А.А. Катенине. Это постановление от 23 января 1860 года: «О недозволении Магометанам селиться массами между старою и новою Оренбургскими линиями, и об ограничении причисления Магометан к Оренбургскому казачьему войску» [36, с. 569].

Тем не менее в Степи татар было уже довольно много. Г.С. Султангалиева обратила свое внимание на такую категорию, как «чала-казаки» [33, с. 359]. Это дети, рожденные от татарина и казашки или казаха и татарки. Она считает, что эти татары появились еще до открытия внешних округов: «... они с дозволения султанов или ханов проживали в Степи, где оставались до глубокой старости, здесь отдавали своих дочерей в замужество, создавали новые семьи

и династии» [33, с. 359]. Однако возможно, что большинство «чала-казаков» происходило от браков сбежавших из регионов Поволжья и Приуралья от рекрутства татар и казашек. В одном из статистических документов сообщается: «В крымскую войну татары, как известно, проявили очень неприятную холодность к своему отечеству. Рекруты их, при содействии богачей, бегали от военной службы в таком большом числе, что, например, по одному Мамадышскому уезду насчитано было до 200 беглых. Вообще татары говорили тогда, что сражаться против единоверных турок им запрещает совесть» [37, с. 61].

В своих работах Г.С. Султангалиева изучила политику властей, направленную против браков татар, башкир и казахов. Эти постановления известны в науке, однако благодаря документам, введенным в оборот Султангалиевой, узнаём, что хан Букеевской орды Джангир в 1842 г. отменил эти указы. Он объяснил это тем, что каждый казах, имеющий жену-татарку, привыкшую к оседлости, «будет сам заводить постоянное зимовье и строить для этого дом, в коем жена его может распоряжаться хозяйством» [33, с. 359]. Однако Оренбургская пограничная комиссия отменяет указ о запрещении браков между этими народами только в 1846 г.

В статье «Татарская диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.)» на основе изученных архивных источников автор делает важный вывод, что категорически против переселения татар и башкир в Степной край были чиновники из Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Г.С. Султангалиева замечает: чиновники Департамента напирали на то, что «более развитые, более привыкшие к отправлению религиозных обязанностей по существующему издавна порядку» мусульмане Южного Урала смогут добиться окончательного духовного господства над своими кочевыми соседями. Даже звучали мрачные предсказания: казахский народ как «способный к труду, имеющий в себе много задатков для лучшего будущего, но еще... весьма слабый», потеряет эти качества «при большом развитии фанатизма и укреплении сил магометанского духовенства». Его «развитие может быть заглушено в самом зародыше» [32, с. 30]. В этой же статье Г.С. Султангалиева подробно рассмотрела условия проникновения татарских мулл в Казахскую степь, роль Оренбургского муфтията в стратегии и тактике интеграции казахских земель в общеимперское пространство, деятельность первого муфтия М. Хусаинова как проводника внутренней политики российской власти.

В работе «Первый муфтий Оренбургского мусульманского собрания Мухамеджан Хусаинов и казахские старшины» [35, с. 35–39] Г.С. Султангалиева вводит в научный оборот информацию о том, что татарские религиозные деятели активно привлекались властями для содействия переходу казахов и башкир к оседлости, используя фетвы (их было не менее двенадцати) Оренбургского магометанского духовного собрания.

Среди современных российских исследований, затрагивающих проблему влияния татар на казахскую оседлость, выделяются труды З.А. Махмутова [38; 39; 40]. В своей диссертационной работе [39] и статье «Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XIX в.» [38] автор отмечает, что под влиянием татарского духовенства менялся казахский быт и семейные ритуалы. Во время никаха⁸ стали читать короткую молитву – бату, а в юртах появилась занавеска, разделяющая мужскую и женскую половину [38, с. 67]. Автор замечает, что татарское духовенство в Степи занималось торговлей и разведением скота. К середине XIX века татарских мулл в Младшем жузе насчитывалось около 1000 человек [38, с. 66].

В монографии З.А. Махмутова «Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы» целый параграф посвящен национальному быту и материальной культуре местного татарского населения конца XIX – начала XX века [40]. Основным источником для написания этого параграфа служат упомянутые труды петропавловского врача и этнографа Ц.А. Белиловского, который весьма талантливо описал все этнографические группы татар, жившие в конце XIX века в этом городе. Ссылаясь на Ц.А. Белиловского, автор замечает, что едят татары за приземистым столом, что, очевидно, является влиянием казахской культуры. Нужно заметить, что низкий стол был в обиходе почти у всех этнографических групп татар, но особенно долго он сохранялся в традиционной культуре у сибирских и астраханских [41, с. 375]. Этот предмет интерьера назывался по-татарски «куна», или «табын». Как правило, его устанавливали на нары (сәке). Такие столы, называемые «дастархан», есть у всех народов Средней Азии. Это была общетюркская культура. Скорее всего, казанские татары под влиянием русской культуры стали устанавливать в избах высокие столы, лавки и стулья во второй половине XIX века. Весьма ценным в работе З.А. Махмутова было то, что на основе

⁸ Никах – мусульманское бракосочетание.

дошедших до нашего времени фотографий начала XX века автор проследил, как стала меняться в Петропавловске татарская женская мода, «демонстрируя удивительное сочетание европейской городской культуры с традиционной татарской» [40, с. 32].

В 2019 году в журнале «Известия Саратовского университета» вышла статья С.В. Любичанковского «К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века» [42, с. 279–282], где в вводной части автор подчеркивает, что сама постановка проблемы аккультурации «национальных меньшинств, как и сохранение их этнической, а зачастую и конфессиональной идентичности – феномен глобального, мирового значения» [42, с. 279]. Весьма ценна постановка автором проблемы, что разработка данной темы исследования позволит разобраться, какие элементы имперского управления и освоения данных территорий являлись «действительно колониальными», а какие – элементами политики аккультурации, которую автор понимает как «культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью, с возможностью обратного влияния со стороны этих народов» [42, с. 279]. Рассматривая взаимопроникновения казахской и татарской культуры, он раскрывает тему взаимовлияния культур на примерах, связанных с обустройством жилища, приемом пищи, ношением одежды. В связи с этим хочется сделать некоторые комментарии и высказать наше видение данной темы.

В статье С.В. Любичанковского сообщается: «Татарские ремесленники, проживавшие вблизи Оренбурга, в Сеитовом посаде, приспособившись к рынку, по казахской технологии валяли кошмы, вырабатывали армячину (полотно) из верблюжьей шерсти. В середине XIX в. его производили до 2,5–6,5 тыс. аршин в год» [42, с. 280]. Предположительно, изготовление этого полотна также было перенято у казахов, которые ткали на архаичном станке без челнока, как пишет автор.

Упомянутая в статье С.В. Любичанковского технология производства армячины была общетюркской и в целом восточной, не относилась только к казахскому народу. Армяк – это длиннополый плащ, с капюшоном, без пуговиц, запахищаемый на левую сторону и подвязываемый кушаком или ремнем. Шился он из армячины – грубой верблюжьей или овечьей шерсти. Данный вид одежды к славянам проник от тюркских народов очень давно. Утверждение о за-

имствовании технологии у казахов, возможно, и применимо именно к этому региону и к этому времени, когда происходило активное взаимодействие двух культур. Например, известно, что во второй половине XIX века изготовлением армячины активно занимались нагайбачки⁹, а также оренбургские татары, но в целом данный промысел татарам был известен с древнейших времен¹⁰. Сукно для армяков татары делали на простейшем ткацком станке, как правило, располагавшемся, а нарах [43, с. 303]. Если говорить в целом о войлоковании, то в татарском ремесле существовала своя орнаментальная специфика. Если у кочевых казахов, башкир, ногайцев в орнаментации больше использовался зооморфный стиль, изображающий птиц и рога животных, а также применялся геометрический, то для татар был больше характерен цветочный орнамент наряду с геометрическим. Кроме того, татары употребляли войлок в мусульманских ритуалах, делали из войлока намазлык¹¹ (киез намазлык – войлочный намазлык), что говорит о глубоких корнях этого ремесла в татарской культуре. Значимость данного ремесла подтверждается фольклорными свидетельствами: например, старинной татарской народной песней: «Бездә тула басалар» (У нас делают войлок)¹².

Хочется прокомментировать еще одно утверждение С.В. Любичанковского. Он пишет: «Соседство с казахами обусловило употребление татарами в пищу конины, которая в исламе проходит под категорией, не запрещенной, но и не одобренной пищи» [42, с. 281]. Действительно, в чем-то прав С.В. Любичанковский, казанские татары не выращивали лошадей для употребления в пищу, но никогда не чурались ее есть, так как в ханафитском мазхабе¹³ она не является запрещенной. Сомнительно, что на употребление конины повлияли казахи, татары ее ели и едят испокон веков. Если же говорить о татарах-мишарях, то и на сегодняшний день, и в далеком прошлом они выращивают лошадей на еду, и в татарской кулинарии есть немало блюд, приготовляемых из конского мяса. Татары-мишари и по сей день делают и продают знаменитую сырокопченую колбасу из конины – казалык.

⁹ Нагайбаки – крещенные татары, переведенные в сословие казачества.

¹⁰ Армяк изготавливали из верблюжьей ткани. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edique-lol.narod.ru/t/armia.htm> (дата обращения: 23.01.2025).

¹¹ Намазлык – коврики для чтения намаза.

¹² Войлочный ковер – киез. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tatcultresurs.ru/onkn/voylochnyy-kover-kiez?ysclid=mfw26lom4e331789323> (дата обращения: 23.01.2025).

¹³ Ханафитский мазхаб – юридическая школа в суннитском исламе.

Писать о влиянии татарской земледельческой культуры на казахов сложно, так как оба народа принадлежат к тюркской цивилизации, имеют общий политогенез и навыки хозяйственной жизни. О том, что тюрки Центральной Азии вели полукочевой образ жизни и обладали навыками земледелия, писали многие авторы: Н.Я. Бичурин [44, с. 76], Н.И. Руденко [45, с. 29–31], Ш.С. Камолиддин [46]. В работе «Хроника тюрко-татарских государств: расцвет, упадок, возрождение» Р.С. Хакимов отмечает, что в древнетюркском языке слово «сабан», означающее плуг, известно в форме «сапан», и происходит оно от глагола «сапмак» – рвать [47, с. 25]. Во всех тюркских языках есть понятия «будай» (пшеница), тары (просо), арпа (ячмень), что также указывает на общие хозяйственные навыки тюркских народов. Дореволюционные этнографы пишут, что перешедшие к земледелию казахи землю пахут татарским плугом – сабан, однако у них была и соха собственной конструкции. Действительно, в степных и лесостепных районах Оренбуржья татары традиционно пахали тяжелым деревянным плугом (сабан) с упряжкой из нескольких лошадей [46, с. 223]. Однако Н.А. Халиков отмечает, что к концу XIX века у татар появились полусабаны, в которые можно было запрячь одну лошадь. В Зауралье курашимский сабан был известен как соха – колесуха. К концу столетия эти орудия в Приуралье вытеснили традиционные сохи и сабаны, отмечает исследователь [14, с. 271]. Полагаем, что такой сельскохозяйственный инвентарь проникал и к казахам.

Заключение

Исторически сложившиеся культурные и экономические связи татарского и казахского народов в процессе перехода к оседлому образу жизни нельзя абсолютизировать. Безусловно, на казахов влияла оседлая и русская, и узбекская, и таджикская культуры. Но в период косвенного управления Казахской степью, с 30-х годов XVIII в. по середину 20-х гг. XIX века, власть сознательно использовала все социальные страты татар: мусульманское духовенство, служилых татар, казаков, торговцев, ясачных татар для распространения навыков земледелия среди казахов. С 30-х годов XIX века российская власть старалась притормозить оседание казахов. С 70-х годов XIX века в Казахской степи начался новый этап седентаризации с помощью православных миссионеров. Параллельно началась политика ограничения влияния татар на культуру и быт казахского народа. Тем не менее татарская оседло-земледельческая культура

для оседлых казахов стала более предпочтительной. На это повлияло, прежде всего, желание сохранить свою мусульманскую этнорелигиозную идентичность. На этом примере можно увидеть, как материальная и бытовая культура выступает формой социальной организации и защитой этнической и религиозной идентичности, а татары выступили в качестве «мобилизованной диаспоры» в предохранении казахов от христианизации.

Литература

1. Суворова Н.Г. Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации Степного края (конец XIX – начало XX в.). *Вестник Омского университета. Серия Исторические науки*. 2017;3(15):262–270. DOI 10.25513/2312-1300.2017.3.262-270
2. Голубцов С.В. Киргизская миссия Тобольской епархии. *Вестник Омского университета*. 2015;1:139–142.
3. Малов Е.А. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в половине XIX века. *Православный собеседник*. 1872; 2:136–157.
4. Нурбаев Ж.Е. Из истории православного прозелитизма в Северном Казахстане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-history.kz/upload/iblock/d61/d61935ab916424e0c423ab0f6211b404.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Чичерина С.В. *У приволжских инородцев: путевые заметки*. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна; 1905. 210 с.
6. Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской империи. Центральная Азия и Сибирь. *Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда, 14 мая 2003 г.* Барнаул: Аз Бука; 2003. С. 247–252.
7. Левшин А.И. *Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей*. Алматы: Санат; 2009. 656 с.
8. Мейер Л. *Киргизская степь Оренбургского ведомства*. Т. 10. Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара и Ф. Персона; 1865. 288 с.
9. *Этнические группы и социальные границы: социальные орг. культурных различий*. Барт Ф. (ред.); Пильщиков И. (пер. с англ.). М.: Новое изд-во; 2006. 198 с.

10. Ильминский Н.И. *Воспоминания об И.А. Алтынсарине*. Казань: типолит. В.М. Ключникова; 1891. 396 с.
11. Харузин А.Н. *Киргизы Букеевской орды: антрополого-этнологический очерк. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете*. Т. 10. М.: тип. А. Левенсон и К; 1889. Вып. 1. 550 с.
12. Муфтахутдинова Д.Ш. Благотворительная деятельность татарских предпринимателей в Степном крае (конец XIX – начало XX века). *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2023;2(46):219–234. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/15_46_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.
13. Хохлов Н. *Географический очерк Тургайской области (с картой)*. Оренбург: типография А.Н. Гаврилова; 1909. 59 с.
14. Халиков Н.А. Традиционное хозяйство татар-казаков Южного Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.) *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016;8:264–271.
15. Гибадуллина Э.М. Татарские городские общины Южного Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-экономический аспект. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2017;7:49–60.
16. Frank A.J. Islamic transformation on the Kazakh Steppe, 1742–1917: Toward an Islamic history of Kazakhstan under Russian rule. *The Construction and deconstruction of national histories in Slavic Eurasia*. Hayashi T. (ed.). Sapporo, 2003, pp. 261–289.
17. Белиловский К.А. *Женщина инородцев Сибири: (Медико-этнографический очерк)*. СПб.: Типо-лит. Р. Голике; 1894. 104 с.
18. Белиловский Ц.А. *Медико-статистический и санитарный очерк г. Петропавловска Акмолинской области. Годичный отчет за 1886 г.* Томск: типография сибирской газеты; 1887. 125 с.
19. Кунанбаев А. *Кара сөз. Книга слов*. Алматы: Атамұра; 2020. 200 б.
20. Из неизданных писем Н.И. Ильминского к графу Д.А. Толстому. *Сотрудник Братства святителя Гурия*. 1911;15–16:242–244.

21. Машанов А. *Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим инородцам (Доклад проф. Казанской Духовной Академии М. Машанова Миссионерскому съезду 1910 г.)*. Казань: типо-литография И.С. Перова; 1910. 132 с.
22. Виноградов В. Метод миссионерской полемики против татар-мухамедан. *Миссионерский противомусульманский сборник: Труды студентов Миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии*. Вып. 1. Казань, 1873. С. 3–21.
23. Саркин Н. Влияние русских и татарских «просветителей» на киргизов. *Миссионерское обозрение*. 1915. Апрель-май.
24. Остроумов Н.П. *Способны ли кочевые народы Азии к усвоению христианской веры и христианской культуры?* 2 изд. М., 1896. 17 с.
25. Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. *Отечественные записки*. 1830. Август, № 124. С. 195–285.
26. Гейер И. Ишаны: материалы к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края. *Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области*. Т. 1. Ташкент, 1891. С. 62–82.
27. Рыбаков С.Г. *Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России*. Петроград: тип. С. Самойлова; 1917. 55 с.
28. Валиханов Ч.Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. IV. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР; 1968. 461 с.
29. Бартольд В.В. *Ислам: культура мусульманства, мусульманский мир*. М.: Книжный клуб Книговек; 2012. 346 с.
30. Сембаев А.И., Храпченков Г.М. *Очерки по истории школ Казахстана. (1901–1917 гг.)* Шехтерман Е.И. (ред.). Алма-Ата: Мектеп; 1972. 164 с.
31. Султангалиева Г.С. *Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.)*. Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ; 2002. 257 с.
32. Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.). *Вестник Евразии*. 2000;4:20–36.

33. Султангалиева Г.С. Влияние татар на развитие земледелия у казахского населения и политика российской власти. *История татар*. Т. 6. Казань: Институт истории АНРТ; 2013. С. 357–360.
34. Султангалиева Г.С. Татарские муллы, командированные в Степь «... для разъяснения, обнародования и внушения правил». *Историческая этнология*. 2020;5(3):481–496.
35. Султангалиева Г.С. Первый муфтий Оренбургского мусульманского собрания Мухамеджан Хусаинов и казахские старшины. *Вестник Казахского национального университета. Серия историческая*. 2012;1:35–39.
36. Муфтахутдинова Д.Ш. Аграрная политика Российской империи в Казахской степи сквозь призму православного миссионерства. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(3):562–584.
37. *Список населенных мест Российской империи*. Вып. XIV. СПб., 1866. 237 с.
38. Махмутов З.А. Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XIX в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2021;20(1):61–73.
39. Махмутов З. А. *Татары Казахстана: социально-демографические и этнокультурные процессы (конец XIX– начало XXI века)*. Дисс. ... докт. истор. наук. Казань, 2023. 448 с.
40. Махмутов З.А. *Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы*. Казань: изд-во «ЯЗ»; 2015. 156 с.
41. Халиков Н.Я. Сельские поселения и жилища. *Татары: Серия Народы и культуры*. М.: Наука; 2017. С. 346–385.
42. Любичанковский С.В. К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2019;19(3):279–282.
43. Сафина Ф.Ш. Ткачество. *Татары: Серия Народы и культуры*. М.: Наука; 2017. С. 300–315.
44. Бичурин Н.Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Ч. 1. М.-Л., 1950. 76 с.

45. Руденко С.И. *Культура хуннов и ноинулинские курганы*. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1963. 205 с.
46. Камолиддин Ш.С. *Земледелие и садоводство у древних тюрков*. Ташкент: Extremum press; 2015. 496 с.
47. Хакимов Р.С. *Хроника тюрко-татарских государств: расцвет, упадок, возрождение*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2018. 365 с.

References

1. Suvorova N.G. Dukhovnoe i svetskoe prosveshchenie musul'man-kochevnikov i novokreshchennykh v kontekste kolonizatsii Stepnogo kraya (konets XIX – nachalo XX v.) [Spiritual and secular education of Muslim nomads and newly baptized in the context of the colonization of the Steppe region (late XIX and early XX century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskiye nauki"* [Bulletin of Omsk University. "Historical Sciences" Series]. 2017;3(15):262–270. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.262-270. (In Russian)
2. Golubcov S.V. Kirgizskaya missiya Tobol'skoj eparhii [The Kirghiz Mission of the Tobolsk Diocese]. *Vestnik Omskogo universiteta. "Istoricheskiye nauki"* [Bulletin of Omsk University. "Historical Sciences" Series]. 2015;1:139–142. (In Russian)
3. Malov E.A. Pravoslavnaya protivomusul'manskaya missiya v Kazanskom krae v svyazi s istorieyu musul'mastv v polovine XIX veka [Orthodox anti-Muslim mission in the Kazan region in connection with the history of Islam in the middle of the 19th century]. *Pravoslavnyy sobesednik* [Orthodox interlocutor]. 1872;2:136–157. (In Russian)
4. Nurbaev Zh.E. *Iz istorii pravoslavnogo prozelitizma v Severnom Kazahstane* [From the History of Orthodox Proselytism in Northern Kazakhstan]. [Electronic source]. Available at: <https://e-history.kz/upload/iblock/d61/d61935ab916424e0c423ab0f6211b404.pdf> (Accessed: 10.01.2025). (In Russian)
5. Chicherina S.V. *U privolzhskikh inorodtsev: putevyye zametki* [Travel notes by the Volga region's ethnic minorities]. Saint-Petersburg: Tip. V.Y. Mil'shteyna; 1905. 210 p. (In Russian)
6. Gorbunova S.V. Kreshchen-yye kazakhi rossiyskoy imperii [Baptized Kazakhs of the Russian Empire]. *Tsentral'naya Aziya i Sibir'. Pervyye nauchnyye chteniya pamyati Y.M. Zalkinda, 14 maya 2003 g.* [The first scientific readings in

memory of E.M. Zalkind, May 14, 2003]. Barnaul: Az Buka Press; 2003, pp. 247–252. (In Russian)

7. Levshin A.I. *Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgih-kajsackih, ord i stepej* [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat Press; 2009. 656 p. (In Russian)

8. Meyyer L. *Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva* [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. Vol. 10. Saint-Peterburg: tip. E. Veymara i F. Persona Press; 1865. 288 p. (In Russian)

9. *Etnicheskie gruppy i social'nye granicy. Social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij. Sbornik statej* [Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences. Collection of articles]. Bart F. (ed.); Pil'shchikov I. (tr. of Engl.). Moscow: Novoe izdatel'stvo Press; 2006. 198 p. (In Russian)

10. Il'minskij N.I. *Vospominaniya ob I.A. Altynsarine* [Memories about I.A. Altynsarin]. Kazan: V.M. Klyuchnikov's Typolithography; 1891. 396 p. (In Russian)

11. Haruzin A.N. *Kirgizy Bukeevskoj ordy: antropologo-etnologicheskij ocherk. Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [The Kyrgyzs of the Bukeevskaya Horde: an Anthropological and Ethnological Essay. News of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography, affiliated with the Moscow Imperial University]. Vol. 10. Is. 1. Moscow: A. Levenson and Co; 1889. 550 p. (In Russian)

12. Muftakhutdinova D. Sh. *Blagotvoritelnaya deyatel'nost tatarskikh predprinimateley v Stepnom kraye (konets XIX – nachalo XX veka)* [Charitable activities of Tatar entrepreneurs in the Steppe region (the late 19th and early 20th century)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. 2023;2(46):219–234. [Electronic source]. Available at: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/15_46_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.15 (Accessed: 10.01.2025). (In Russian)

13. Hohlov N. *Geograficheskij ocherk Turgajskoj oblasti (s kartoj)* [Geographical outline of the Turgai region (with a map)]. Orenburg: A.N. Gavrilov's Press; 1909. 59 p. (In Russian)
14. Khalikov N.A. Traditsionnoye khozyaystvo tatar-kazakov Yuzhnogo Urala (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Traditional economy of the Tatar-Cossacks of the Southern Urals (the second half of the 19th and early 20th centuries)]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2016;8:264–271. (In Russian)
15. Gibadullina E.M. Tatarskie gorodskie obshchiny Yuzhnogo Kazakhstana vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: social'no-ekonomicheskij aspect [Tatar Urban Communities in Southern Kazakhstan in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: A Socio-Economic Perspective]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region]. 2017; 7:49–60. (In Russian)
16. Frank A.J. Islamic transformation on the Kazakh Steppe, 1742–1917: Toward an Islamic history of Kazakhstan under Russian rule. *The Construction and deconstruction of national histories in Slavic Eurasia*. Hayashi T. (ed.). Sapporo, 2003, pp. 261–289.
17. Belilovskij K.A. *Zhenshchina inorodcev Sibiri: (Mediko-etnograficheskij ocherk)* [A woman of the Siberian natives: (Medical and ethnographic essay)]. St.-Petersburg: R. Golike's Typolithography; 1894. 104 p. (In Russian)
18. Belilovskij C.A. *Mediko-statisticheskij i sanitarnyj ocherk g. Petropavlovskaya Akmolinskoj oblasti. Godichnyj otchet za 1886 g.* [Medical-statistical and sanitary essay on the city of Petropavlovsk, Akmola region. Annual report for 1886]. Tomsk: Sibirskaya Gazeta Press; 1887. 125 p. (In Russian)
19. Kunanbayev A. *Kara söz. Kniga slov* [Book of words]. Almaty: Atamura Press; 2020. 200 p. (In Russian, In Kazakh)
20. Iz neizdannyh pisem N.I. Il'minskogo k grafu D.A. Tolstomu [From the unpublished letters of N.I. Ilminsky to D.A. Tolstoy]. *Sotrudnik Bratstva svyatitelya Guriya* [An Employee of the Brotherhood of St. Guria]. 1911;15–16:242–244. (In Russian)

21. Mashanov A. *Sovremennoe sostoyanie tatar muhamedan i ih otnoshenie k drugim inorodcam (Doklad prof. Kazanskoj Duhovnoj Akademii M. Mashanova Missionerskomu s"ezdu 1910 g.)* [The current state of the Tatars of the Muslims and their attitude towards other foreigners (Report of a Professor of Kazan Theological Academy M. Mashanov to the Missionary Congress of 1910)]. Kazan: I.S. Perov's Typolithography; 1910. 132 p. (In Russian)

22. Vinogradov V. *Metod missionerskoj polemiki protiv tatar muhamedan* [The Method of Missionary Polemics against the Mohammedan Tatars]. *Missionerskij protivomusul'manskij sbornik* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works of Students of the Missionary Anti-Muslim Department at Kazan Theological Academy]. Is. I. Kazan, 1873, pp. 3–21. (In Russian)

23. Sarkin N. *Vliyanie russkih i tatarskih "prosvetitelej" na kirgizov* [The Influence of Russian and Tatar "Enlighteners" on the Kirghiz]. *Missionerskoe obozrenie* [Missionary Review]. 1915, April'-maj. (In Russian)

24. Ostroumov N.P. *Sposobny li kochevye narody Azii k usvoeniyu hristianskoj very i hristianskoj kul'tury?* [Are the nomadic peoples of Asia capable of assimilating the Christian faith and Christian culture?]. 2 ed. Moscow, 1896. 17 p. (In Russian)

25. Bronevskij S.B. *Zapiski general-majora Bronevskogo o kirgiz-kajsakah Srednej Ordy* [Notes by Major General Bronevsky on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. St.-Petersburg: Avgust Press; 1830;124:195–285. (In Russian)

26. Gejer I. *Ishany: materialy k izucheniyu bytovyh chert musul'manskogo naseleniya Turkestanskogo kraja* [Ishans: Materials for the Study of the Everyday Life of the Turkestan Region Muslim Population]. *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoj oblasti* [Collection of materials for statistics of the Syr Darya region]. Tashkent, 1891, pp. 62–82. (In Russian)

27. Rybakov S.G. *Ustrojstvo i nuzhdy upravleniya duhovnymi delami musul'man Rossii* [The structure and needs of the management of spiritual affairs of Muslims in Russia]. Petrograd: S. Samojlov's Press; 1917. 55 p. (In Russian)

28. Valihanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenij v pyati tomah* [Collected works in five volumes]. Vol. IV. Alma-Ata: Science Publishing House of the Kazakh SSR Publ.; 1968. 461 p. (In Russian)

29. Bartol'd V.V. *Islam. Kul'tura musul'manstva. Musul'manskij mir* [Islam. Muslim culture. Muslim world]. Moscow: Knigovek Book Club Publ.; 2012. 346 p. (In Russian)
30. Sembaev A.I., Hrapchenkov G.M. *Ocherki po istorii shkol Kazakhstana. (1901–1917 gg.)* [Essays on the history of schools in Kazakhstan. (1901–1917)]. Shekhterman E.I. (ed.). Alma-Ata: Mektep Press; 1972. 164 p. (In Russian)
31. Sultangalieva G.S. *Zapadnyy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII — nachalo XX v.)* [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII and the early XX century)]. Ufa: Republican Educational and Scientific Methodological Center State Committee of Science of the Republic of Bashkortostan Publ.; 2002. 257 p. (In Russian)
32. Sultangalieva G.S. “Tatarskaya” diaspora v konfessional'nykh svyazyakh kazakhskoy stepi (XVIII–XIX vv.) [“Tatar” diaspora in confessional relations of the Kazakh steppe (XVIII–XX centuries)]. *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia]. 2000;4:20–36. (In Russian)
33. Sultangalieva G.S. Vliyanie tatar na razvitie zemledeliya u kazakhskogo naseleniya i politika rossiyskoy vlasti [The influence of Tatars on the development of agriculture among the Kazakh population and the policy of the Russian government]. *Istoriya tatar* [History of the Tatars]. Vol. 6. Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ.; 2013, pp. 357–360. (In Russian)
34. Sultangalieva G.S. Tatarskie mully, komandirovannye v Step' “...dlya raz'yasneniya, obnarodovaniya i vnusheniya pravil” [Tatar mullahs sent to the Steppe “... for clarification, promulgation and suggestion of rules”]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. 2020;5(3):481–496. (In Russian)
35. Sultangalieva G.S. Pervyy muftiy Orenburgskogo musul'manskogo sobraniya Mukhamedzhan Khusainov i kazakhskie starshiny [The first mufti of the Orenburg Muslim Assembly Mukhamedzhan Khusainov and Kazakh foremen]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya istoricheskaya* [Bulletin of the Kazakh National University. “History” series]. 2012;1:35–39. (In Russian)
36. Muftahutdinova D.Sh. The agrarian policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe through the prism of Orthodox missionary work [Agrarian policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe through the prism of Orthodox missionary

work]. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(3):562–584. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-3-562-584. (In Russian)

37. *Spisok naselennyh mest Rossijskoj imperii* [List of populated areas of the Russian Empire]. Iss. XIV. St.-Petersburg, 1866. 237 p. (In Russian)

38. Machmutov Z.A. Funktsii i nekotorye rezul'taty deyatelnosti tatarskikh mull v Kazakhstane v transformiruyushchikhsya politicheskikh kontekstakh XVIII – sere diny XX v. [Functions and some results of the activities of the Tatar mullahs in Kazakhstan in the transforming political contexts of the 18th and in the mid-20th centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian University Friendship of Peoples. Series: History of Russia]. 2021;20(1):61–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73 (In Russian)

39. Mahmutov Z.A. *Tatary Kazakhstana: social'no-demograficheskie i etnokul'turnye processy (konec XIX– nachalo XXI veka) PhD disstrtation* [Tatars of Kazakhstan: socio-demographic and ethnocultural processes (the late 19th and early 21st century)]. Kazan, 2023. 448 p. (In Russian)

40. Mahmutov Z.A. *Tatary g. Petropavlovskaya i Severo-Kazakhstanskoy oblasti: istoriya i etnicheskie processy* [Tatars of Petropavlovsk and North Kazakhstan region: history and ethnic processes]. Kazan: “Yaz” Publishing House; 2015. 156 p. (In Russian)

41. Halikov N.Ya. Sel'skie poseleniya i zhilishcha [Rural Settlements and Homes]. *Tatary: Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT* [Tatars: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences]. Moscow: Nauka Press; 2017, pp. 346–385. (In Russian)

42. Lyubichankovsky S.V. K istorii bytovoy akkul'turatsii kazakhov i tatar v Rossiyskoy imperii XIX veka [On the history of household acculturation of Kazakhs and Tatars in the Russian Empire of the 19th century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. Ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [News of the Saratov University. “History. International relations” Series]. 2019;19(3):279–282. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282 (In Russian)

43. Safina F.Sh. Tkachestvo [Weaving]. *Tatary: Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT* [Tatars: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences]. Moscow: Nauka Press; 2017, pp. 300–315. (In Russian)

Д.Ш. Муфтахутдинова

Влияние татарской культуры на казахов в процессе перехода к оседлому образу жизни
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(3): 574–599

44. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena* [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, 1950. 76 p. (In Russian)

45. Rudenko S.I. *Kul'tura hunnov i noinulinskie kurgany* [The Hunnic Culture and the Noinulinsky Mounds]. Moscow, Leningrad, 1963. 205 p. (In Russian)

46. Kamoliddin Sh.S. *Zemledelie i sadovodstvo u drevnih tyurkov* [Agriculture and gardening among the ancient Turks]. Tashkent: Extremum Press; 2015. 496 p. (In Russian)

47. Hakimov R.S. *Hronika tyurko-tatarskih gosudarstv: rascvet, upadok, vozrozhdenie* [Chronicle of the Turkic-Tatar states: rise, decline, revival]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 2018. 365 p. (In Russian)

Информация об авторе

Муфтахутдинова Дилъра Шамилевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры исламской теологии Российского исламского института, г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Dilyara Sh. Muftakhutdinova, Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Islamic Theology at the Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 августа 2025
Одобрена рецензентами: 14 сентября 2025
Принята к публикации: 29 сентября 2025

Article info

Received: August 14, 2025
Reviewed: September 14, 2025
Accepted: September 29, 2025